

осуществляет практически, мы не только воспринимаем героя едва ли не исключительно в связи с ней, но и саму идею можем вычлениить и изложить по пунктам, хотя, разумеется, вне своего носителя она очень многое теряет. Правда, в идее Раскольникова, на первый взгляд, вроде бы тоже нет единства, она расколота на две составляющие: уголовно-благотворительную (убийство во спасение: «одна смерть и сто жизней взамен», 6, 54) и уголовно-реваншистскую (убить, чтобы обрести «свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!», 6, 253). Примечательно, что первую он берет готовой, целиком и полностью заимствует из двух источников: внероманного — у бальзаковского Растиньяка, на что в свое время совершенно справедливо указал Л. Гроссман, и внутрироманного — у безымянного студента, разговор которого с офицером случайно услышал за месяц до преступления. Разумеется, у него самого, «в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли*» (6, 55), но формулировки все-таки принадлежат другому. Второй компонент его идеи порожден прежде всего близким по времени наполеоновским эпизодом мировой истории, в котором Раскольников вычитывает и на который проецирует роль личности в истории в целом. Внутри этой части аргументации есть, как нам кажется, завуалированная отсылка к еще одному, неожиданному, на первый взгляд, источнику. Излагая содержание своей статьи, Раскольников утверждает, что все «законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь» (6, 199—200). Само многократно повторяющееся слово «закон», к тому же в сочетании с определениями «древний» и «новый», заставляет вспомнить того, кто не упомянут Раскольниковым, но, по его логике и терминологии, безусловно входит в этот ряд *преступников-законодателей* человечества, тем более что на эту мысль наводят и метафорические образы Евангелия («Никто не наливает молодое вино в старые мехи...», Лук. 6, 37), и прямые формулировки очень пристально и пристрастно читанной Достоевским книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», где многократно подчеркнуто, что Иисус, после первых неудачных выступлений в Иерусалиме, объявил, что отныне «не существует прежнего Закона», что «Закон не имеет никакой силы», а это превратило его из «иудейского реформатора» в «разрушителя иудаизма» с далеко идущими последствиями. «Учение Моисея оказалось превзойденным: нет смысла в существовании храма и он безропотно осужден на гибель»¹⁷ — такая постановка вопроса, по справедливому суждению Раскольникова, неизбежно должна была повлечь за собой кровь, «иногда совсем невинную и доблестно пролитую за древний закон».

Более того, в книге Ренана мы находим едва ли не дословное, хотя и в более мягком варианте, изложение теории Раскольникова с таким же рядом показательных в контексте рассуждения имен: «...следует помнить, что всякая идея теряет часть своей чистоты, едва она обнаруживает стремление осуществиться. Успеха нельзя достигнуть без компромиссов, без того, чтобы не пострадала душевная чистота. Такова уж слабость человеческого ума, что лучшие дела выигрываются обыкновенно только дурными средствами. (...) Моисей, Христофор Колумб, Магомет только потому преодолели все препят-

¹⁷ Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб., 1906. С. 188, 189.